

что происходит в силу крайней эклектичности религиозного сознания современных россиян, далёких от традиционных обрядовых практик. В современной Бурятии вокруг святилища Янжимы происходят процессы, вызывающие большой исследовательский интерес. В режиме реального времени меняются функции и иконография тибетской богини, создаются новые ритуальные структуры и мифология. Изучение формирования культа Сарасвати в Баргузинской долине позволит нам лучше понять механизмы становления национальных версий буддизма в Тибете, Китае, Японии.

А. Л. Мышинский

*Институт социальных и политических наук
Уральского федерального университета*

**Традиционный Китай:
социальная философия и школьный учебник**

Трудно сказать, чем руководствуется переводчик-китаист, выбирая для перевода очередной китайский опус. Как известно, актуальность очередному опусу приписывается задним числом: дескать, перевод ликвидирует некое белое пятно в отечественном китаеведении, опус и сам по себе очень важный, интересный и так далее. Зачастую выбор очередного китайского опуса определяется просто эрудицией и личными симпатиями переводчика. Но личные симпатии китайского переводчика-русиста разительно отличаются от симпатий русского китаиста. Как раз с первым типом мне и пришлось столкнуться год назад.

В 2012–2013 гг. я проходил стажировку в качестве переводчика в Цюйфуском педагогическом университете (Китайская Народная Республика, провинция Шаньдун). Моим руководителем был известный переводчик-русист, декан факультета русского языка профессор Чжу Юйфу. Целый год мы трудились над составлением обширной китайско-русской антологии, предназначенной для китайских

русистов и русских китаистов. Туда входит огромное количество фрагментов китайских классических текстов: «Лунь Юй», «Даодэцзин», «Мэн-цзы», «Чжоу И» и так далее. Тексты, естественно, подбирал профессор Чжу Юйфу.

Один из этих текстов меня поразил. Это классический текст *二十四孝* («Двадцать четыре образца охотного и умелого служения старшим»). Перевод термина *孝* «сяо» как «охотное и умелое служение старшим» принадлежит, разумеется, академику Василию Михайловичу Алексееву (1881–1951).

«24 образца» были созданы Го Цюйцином (郭居敬) при династии Юань (1279–1368). Текст короткий, лексически и грамматически довольно простой. Поэтому в традиционном Китае этот текст долго использовался в качестве учебника для начальной школы. Это двадцать четыре коротких сюжета из детства знаменитых людей с соответствующими иллюстрациями. Младшие школьники заучивали эти истории наизусть.

Вот самое начало этого текста (китайский оригинал с иллюстрацией).

孝感动天

舜 (около公元前 2277–2178 年),传说中的远古帝王,五帝之一,姓姚,名重华,号有虞氏,史称虞舜。相传他的父亲瞽叟及继母、异母弟象,多次想害死他:让舜修补谷仓仓顶时,从谷仓下纵火,舜手持两个斗笠跳下逃脱;让舜掘井时,瞽叟与象却下土填井,舜掘地道逃脱。事后舜毫不嫉恨,仍对父亲恭顺,对弟弟慈爱。他的孝行感动了天帝。舜在厉山耕种,大象替他耕地,鸟代他锄草。帝尧听说舜非常孝顺,有处理政事的才干,把两个女儿娥皇和女英嫁给他;经过多年观察和考验,选定舜做他的继承人。舜登天子位后,去看望父亲,仍然恭恭敬敬,并封象为诸侯。

Рассмотрим перевод этого фрагмента на русский язык, принадлежащий перу уважаемого профессора Чжу Юйфу (сохранены все стилистические и орфографические особенности):

1. Сыновняя почтительность растрогала Бога

Шунь (Шунь, легендарный император древности, правивший якобы с 2277 по 2178 гг. до н. э.) — был дальний император по легенде в Китае, являясь одним из пяти императоров. У него была

фамилия Яо, а имя — Чжон Хуа, второе имя — Юй Ши, называли его в истории Юй Шунь. Был слух, что его отец, мачеха и его брат Сян от отца Гу Соу и мачехи много раз хотели погубить его. Вот, например, когда дали ему работу ремонтировать крышу сарая для хранения зерна, они поджигали его, и Яо Шунь спрыгали с крышки с двумя сеновыми шляпами в руках и убежали. Однажды, когда Яо рыл колодец в его дне, его папа и брат Сян вбросили грунт в него, и яо прорыл подземный ход и удачно убежал, после чего несколько претендции не выражал, а так же уважал и слушался отцу, обращался к брату всё ещё с любовью. Его почтительные поступки растрогали Бога. Так что слона помогала ему пахать землю, а птицы помогли ему полоть, когда он работал в поле в Ли Шань. Услышав такую почтительность и талант правлять администрацией, Император Яо (легендарный император древнего Китая) отдал две дочери и прислуга ему в жены, решил он назначить его на свою смену после многократного наблюдения и опыта. После вступления в трон сына Бога Яо поехал домой посещать отца почтительно и назначил брата Сян князю».

Я далёк от мысли смеяться над переводом уважаемого профессора Чжу Юйфу, поскольку уверен: возьми я переводить на китайский язык, скажем, русские былины, мой перевод на китайский выглядел бы ещё хуже. Приведу теперь отредактированный перевод.

1. Сыновняя почтительность растрогала Небо

Шунь (легендарный император древности, правивший, по преданию, с 2277 по 2178 г. до н. э.) был последним из легендарных китайских «Пяти Императоров». У него была фамилия Яо, имя — Чжунхуа, прозвище — Юй Ши, в исторические хроники он вошёл под именем Юй Шунь. Рассказывают, что его отец, мачеха и сводный брат Сян (сын от родного отца Гу Соу и мачехи) хотели погубить его. Например, они послали его чинить крышу сарая для хранения зерна. Когда Шунь туда залез, злые родственники подожгли крышу, но он спрыгнул, держа в руках две соломенные шляпы, и таким образом избежал смерти. Однажды, когда Шунь рыл колодец и стоял на самом дне, отец и сводный брат Сян стали забрасывать его землёй, но Шунь прорыл боковой подземный ход и так спасся. Но и после этого Шунь не выражал никакого недовольства, по-прежнему проявлял уважение к отцу и слушался его, с любовью относился к сводному брату. Почтительные поступки Шуня растрогали само Небо.

Даже слоны помогали ему пахать землю, птицы пропалывали поля, когда он работал в местности Лишань. Услышав о его почтительности и способностях к управлению народом, император Яо (четвёртый легендарный император древнего Китая) отдал ему в жёны двух своих дочерей. После многократных проверок Яо сделал Шуня своим преемником. Вступив на престол, став Сыном Неба, Шунь поехал домой навестить отца и почтительно назначил своего сводного брата Сяна князем.

Жутковатый прецедент для заучивания наизусть младшими школьниками. Для русского уха тоже резковато. Однажды я поделился творческими планами профессора Чжу Юйфу с коллегой из Новосибирского государственного университета, известным переводчиком и китаеведом Т. Г. Завьяловой, и она прямо сказала: «Он что, с ума сошёл — переводить на русский язык “24 образца”?»

Профессор Чжу долго работал практическим переводчиком, десятки раз бывал в России. Он по праву считается одним из лучших русистов Китая. Тем не менее, он не чувствует, насколько «24 образца» режут глаз русскому читателю. Интересно, что профессор без колебаний переводит слово 天 *тянь* (небо) как «Бог».

Не знаю, стал бы я читать «24 образца» на ночь своему семилетнему сыну. Впрочем, «Библия для детей», которую я как раз сейчас читаю сыну, особенно Ветхий Завет, наполнена описанием жестокостей по отношению к детям.

Как известно, в Европе тоже сравнительно недавно к детям стали относиться как к высшей ценности. Маркером может служить тот момент, когда художники итальянского Ренессанса перестали рисовать ангелов в виде унылых мужчин и стали изображать их в виде проказливых младенцев. До XV в. в Европе отношение к детям было отнюдь не таким нежным, как сейчас.

Ветхозаветные злодеи, которые мучают детей, тем самым грешат против Бога. Святые и пророки, которые заботятся о детях, служат Господу. Послушные христианские дети тоже служат Господу. Кому служит Шунь? Обществу и социальной стабильности. Из текста «24 образцов» можно выделить следующие принципы. Социум есть увеличенная копия семьи. Социальное обладает безусловным приоритетом перед индивидуальным, старший — перед младшим.

Взрослый человек более ценен для общества, нежели ребёнок. Взрослый, а в особенности старик, — носитель социального опыта, а ребёнок — нет. Поэтому ребёнком можно пожертвовать.

Можно ли описывать отношение Шуня к отцу, мачехе и сводному брату в терминах христианской кротости и смирения? Мне кажется, нет. Шунь не смиряется. Для него всё происходящее обычно и естественно. Ну, поджѐг папа крышу. Ну, забросал сына землѐй. С кем не бывает! Шунь в этой истории — воплощённый идеал конфуцианского человека: внешние требования находятся в полной гармонии с внутренними мотивами. Шунь не протестует. Русские востоковеды XIX в., например В. П. Васильев, неспроста окрестили Конфуция стойком. Как известно, расхожую идею о том, что свобода есть осознанная необходимость, в Европе запустили именно стойки. Потом эта идея всплывала и у Спинозы, и у Гегеля, и у Карла Маркса. Может быть, поэтому китайская цивилизация спокойно приняла и марксистский историцизм, и марксистскую идею о приоритете коллектива перед личностью.

К слову сказать, демографическая политика китайских коммунистов («Одна семья — один ребёнок») разрушила последнюю идею. Единственный ребёнок в семье сделал каждого маленького китайца вундеркиндом в глазах родителей. На одного ребёнка теперь приходится шестеро взрослых (если считать дедушек и бабушек). Это формирует у современных китайских детей эгоцентризм и инфантилизм — качества отнюдь не конфуцианские. Тем не менее, «24 образца» и сейчас взрослые читают китайским ребятишкам. А вот «Евангельские истории для детей» на китайском языке с описанием крестных мук Спасителя вызвали бы у китайских родителей недоумение и гнев.

Вот ещё одна история из «24 образцов», пятая по счёту.

5. Ходить в одежде с подкладкой из тростникового пуха* и, тем не менее, оказывать почтение мачехе

Минь Сунь (536—487 гг. до н. э.), второе имя — Цзи Цянь, жил в Царстве Лу в период Чуньцо (770—476 гг. до н. э.). Он был одним из лучших учеников Конфуция. Его добрые поступки так же воспевали,

* 芦衣 лу и — очень лёгкая одежда с подкладкой из тростникового пуха, «на рыбьем меху». Сейчас слово лу и используется в переносном смысле и означает «жестокость мачехи».

как и поступки Янь Юаня. Конфуций одобрял его поступки, мол, какой же почтительный сын и ученик этот Минь («Лунь Юй»). Мать Миня рано умерла, отец женился на другой женщине, от которой родилось двое сыновей. Мачеха жестоко обращалась с Минем. На зиму она шила тёплую хлопковую одежду с начёсом для родных сыновей, а пасынку шила одежду на тростниковом пуху, очень зябкую. Однажды отец отправился в путь на повозке, которую тянул Минь. Миню было так холодно, что он стал дрожать и выронил верёвку. Отец рассердился, принялся ругать его и хлестать кнутом, так что пух тростника полетел из всех швов одежды Миня. Отец понял, что мачеха мучает пасынка. Он вернулся домой, решил развестись с женой и отослать её к родителям. Но Минь Сунь, стоя на коленях, умолял отца пощадить мачеху. Он говорил, что если отец оставит мачеху в доме, холодно будет только ему одному. А если отец прогонит мачеху — холодно будет всем троим детям. Услышав это, отец был растроган и внял его мольбам. Когда мачеха узнала об этом разговоре, она раскаялась и признала свою бесчеловечность. Она стала обращаться с пасынком, как с родным сыном.

Социологическое резюме: отношения «сын — отец» важнее, чем отношения между мужем и женой.

Следующая история.

9. Оказывать почтение деревянным скульптурам родителей

Дин Лань был родом из Хэнэй (ныне — область на северном берегу реки Хуанхэ в провинции Хэнань). Он жил при династии Восточная Хань (25–220 гг.). В детстве он потерял обоих родителей и стал круглым сиротой. Он скучал по родителям, помнил об их благодеяниях, о том, что они кормили и воспитывали его. Поэтому он вырезал деревянные изображения родителей и прислуживал им, как живым. Он советовался с ними по поводу каждого семейного дела. Сначала он подносил завтрак, обед и ужин вырезанным из дерева родителям и только после этого ел сам. Перед отправлением в путь он обязательно докладывал родителям. Вернувшись домой, он обязательно шёл к родителям, никогда не оставляя этих правил благочинного поведения. Его жена однажды перестала обращаться с деревянными скульптурами уважительно. Из любопытства она даже уколола палец одной из скульптур иголкой, и оттуда пошла кровь. Дин Лань

вернулся домой и увидел слёзы на глазах скульптуры. Узнав правду, он выгнал жену.

Резюме: любовь к родителям важнее любви к жене.

11. Прятать за пазухой мандарины для матери

Жил-был некий Лу Цзи (187–219 гг.) в уезде Хуатин (ныне — район Сунцзян в городе Шанхае), в Царстве У в эпоху Троецарствия. Он был учёным. Когда ему было шесть лет, они вместе с отцом, которого звали Лу Кан, наносили визит некому Юань Шу. Юань Шу принимал их и угощал мандаринами. Лу Цзи взял мандарины и спрятал две штуки за пазуху. Во время прощания спрятанные мандарины выпали на пол. Юань Шу, смеясь над Лу Цзи, сказал: «Ты был у меня в гостях, теперь уходишь и прячешь за пазухой хозяйские мандарины»? Лу Цзи отвечал: «Моя мама любит мандарины, и я хотел взять их домой, чтобы угостить маму». Узнав о том, что Лу Цзи в юном возрасте так почитает мать и так прислуживает ей, Юань Шу очень удивился. Когда Лу Цзи подросток, он стал эрудитом, хорошо знал астрономию, исчисление времени по календарю, нарисовал «Карту небесных сфер», написал комментарий к «Книге перемен», сочинил «Комментарий к канону беспредельной таинственности» («Тайсюань цзин чжу»).

Резюме: любовь к матери важнее соблюдения правил благочинного поведения «ли» (禮).

12. Умертвить сына, чтобы иметь возможность ухаживать за матерью

Го Цзю был родом из Лун Люй (нынешнем уезде Линь в провинции Хэнань). Он жил в эпоху Цзинь (265–420 гг. н. э.). Его семья сначала была состоятельной. После смерти отца он разделил семейное имущество на две части, одну отдал двум своим братьям, а сам взял другую, чтобы содержать мать и исполнять долг сыновней почтительности. Потом он стал беднеть. Его жена родила мальчика. Го Цзюй стал беспокоиться о том, что воспитание сына помешает содержанию матери. Посовещавшись с женой, он решил, что ещё одного сына можно родить, но если умрет мать, то её уже не воскресишь. И он предложил жене умертвить сына и зарыть его в землю, чтобы сэкономить хлеб для матери. Когда они стали копать яму, то вдруг заметили на глубине в два чи золотой алтарь с надписью «Небо

дарует это Го Цзюю, чиновникам нельзя это трогать, а у народа нельзя это отнимать». Обнаружив золото, жена и муж обрадовались, вернулись домой и стали хорошо заботиться и о матери, и о сыне.

Резюме: любовь сына к матери важнее, чем любовь отца к сыну.

А вот ещё история про невестку и свекровь:

17. Без устали кормить свекровь своим грудным молоком

В местности Болин (ныне относится к провинции Хэбэй) при династии Тан (618–907 гг.) жил-был Цуй Шаньнань. Он дослужился до генерал-губернатора (*цзедуши* — правителя области при династии Тан) западной части дороги Шаньнань, люди прозвали его Шаньнань. У него была прабабка, госпожа Чжан Сунь. Она была пожилой, зубы у неё выпали. Бабка Цуй Шаньнаня госпожа Тан обращалась с ней очень почтительно. Каждый день после омовения она входила в комнату прабабки и кормила её грудным молоком. Так продолжалось много лет, так что госпожа Чжан Сунь и не принимала никакой другой пищи, кроме грудного молока невестки. Здоровье у неё было крепкое, как и в прежние годы. Заболев, госпожа Чжан Сунь позвала всех родственников и сказала: «Я уже никак не смогу отблагодарить невестку, но пусть жена внука ухаживает за нею так же, как она ухаживала за мной». Потом Цуй Шаньнань стал крупным сановником, а его мать действительно стала служить его бабке, так же, как бабка служила прабабке.

Резюме: любовь женщины к свекрови важнее любви к её собственным родителям.

19. Терпеть укусы комаров, чтобы оградить от них отца

У Мэн жил в Пуяне (местности на территории современной провинции Хэнань) при династии Цзинь (265–420 гг.). Он стал охотно и умело сложить родителям уже в восемь лет. Семья была бедной, у них не было москитной сетки, и комары так сильно кусали отца, что он не мог спать. Поэтому летними ночами У Мэн сидел голым возле постели отца, терпел укусы комаров и не прогонял их, боясь, как бы они не покусали отца.

Резюме: отдых для взрослого важнее, чем отдых для ребёнка.

21. Плакать в зарослях бамбука, чтобы бамбук дал побеги

Жил-был в эпоху Троецарствия в Цзянься Ся некий Мэн Цзун. Будучи юношей, он потерял отца, а мать его тогда уже была на склоне лет и сильно болела. Врач прописал ей суп из свежих побегов молодого бамбука. Но стояли суровые морозы, и негде было взять свежие побеги бамбука. Мэн Цзун, не зная, что делать, побежал в бамбуковую рощу, взялся за стебли бамбука и заплакал. Неожиданно он услышал внизу, прямо под ногами, треск, и заметил, что из земли показались нежные побеги бамбука. Обрадовавшись, Мэн Цзун набрал бамбуковых побегов на суп, после чего мать и в самом деле выздоровела. А позже он в своём карьерном росте дошел до должности *сыкуна* (советника начальника приказа общественных работ).

Резюме: само Небо благосклонно к ребёнку, охотно и умело служащему матери.

22. Тосковать, узнав по состоянию кала о смертельной болезни отца

Юй Цяньлоу жил при Южной династии Ци (династия из южных царств, 479–501 гг.). Он был человеком высоких душевных качеств, стал даже главой уезда Чаньлин. Не прошло и десяти дней с тех пор как он приехал по назначению на должность, как вдруг неизвестно почему он почувствовал в сердце трепет и стал обливаться потом. Он понял: дома что-то случилось. В тот же день он отказался от должности и вернулся домой. Добравшись до дома, он узнал, что отец два дня назад заболел. Врач сказал: «Если хочешь узнать, будет ли прогноз болезни благоприятным, попробуй на вкус кал больного, и всё станет ясно. Если кал горький, то отец будет жить». Тогда Цяньлоу попробовал кал и почувствовал сладкий вкус. Цянь Лоу так встревожился, что ночью пал ниц перед Большой Медведицей и умолял, чтобы ему позволили умереть вместо отца. Но через несколько дней отец всё равно умер. Похоронив отца, Юй Цяньлоу три года жил в трауре (27-месячный траур по родителям и близким родственникам с оставлением должности и отказом от экзаменов).

Резюме: китайские врачи умели диагностировать сахарный диабет по вкусу кала.

24. Мыть ночной горшок матери

Жил-был в Фэньнине (ныне — Сюшуй в провинции Цзянси) при династии Северная Сун (960–1127 гг.) Хуан Тинцзянь, известный поэт и каллиграф. Хотя он находился на высокой должности, но всё равно ухаживал за матерью, до конца исполняя свой сыновний долг, каждый день вечером собственноручно мыл ночной горшок матери, не забывая о непреложной сыновней почтительности никогда.

Резюме: семейный статус важнее социального статуса.

Традиции «охотного и умелого служения старшим» живы в Китае до сих пор. В течение года я занимался русским языком со 120 студентами и 10 аспирантами. Большинство из них убеждено, что главное — это слушаться родителей и прилежно учиться. А дальше всё будет очень-очень хорошо. Это ведёт к удивляющей иностранцев социальной стабильности и к самодостаточности китайского ребёнка и студента.

Трудно сказать, что лучше заучивать наизусть китайскому школьнику — подобного рода сентенции или фразы: «Я люблю Китай, я люблю Пекин, я люблю Коммунистическую партию Китая» (последняя фраза — с 3-й страницы учебника для 1-го класса издания 1990 г.). Впрочем, последний вариант разрабатывался и в советских идеологических клише для школьников: «прост, как правда», «мудрый прищур ласковых глаз». Это, разумеется, о В. И. Ленине.

Традиция охотного и умелого служения старшим есть также один из источников китайского патриотизма. Я спросил на занятии по русскому языку одну из своих самых талантливых студенток, смогла бы она выйти замуж за русского. Ответ был отрицательный. На вопрос: «Почему?» она ответила по-русски: «Я люблю свою Родину».